

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Чудеса в решете

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Чудеса в решетке / Аркадий Тимофеевич Аверченко – М.: Книга по Требованию, 2011. – 94 с.

ISBN 978-5-4241-3483-8

Аркадий Аверченко - король смеха, как называли его современники, - обладал удивительной способностью воссоздавать абсурдность жизни российского обывателя, с легкостью изобретая остроумные сюжеты.

ISBN 978-5-4241-3483-8

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Аркадій Аверченко
Чудеса въ рѣшетѣ

ОТДѢЛЬ І

ЧУДЕСА ВЪ РЪШЕТЬ

ЭХО ЦЕРКВИ ФЕЛИЧЕ

Однажды лѣтнимъ вечеромъ мы съ пріятелемъ сидѣли за столикомъ въ саду и, попивая теплое красное вино, глазѣли на открытую сцену.

Дождь, упорно стучавшій по крышѣ веранды, на которой мы сидѣли; необозримое снѣжное поле не занятыхъ никѣмъ бѣлыхъ столиковъ; рядъ самыхъ замысловатыхъ «номеровъ» демонстрировавшихся на открытой сценѣ; и, наконецъ, живительное теплое бордосское — все это настраивало нашу бесѣду на самый глубокомысленный, философическій ладъ.

Прихлебывая вино, мы дружно цѣплялись за каждое пустяковое обычное явленіе окружающей насъ жизни и тутъ же, сблизивъ носы, принимались его разсматривать самымъ внимательнымъ образомъ.

— Откуда берутся акробаты? — спросилъ мой пріятель, поглядывая на человека, который только что уперся рукой въ голову своего партнера и немедленно же поднялъ вверхъ ногами все свое затянутое въ лиловое трико тѣло. — Вѣдь просто такъ, зря, они же акробатами не дѣлаются. Почему, напримѣръ, ты не акробатъ или я не акробатъ?

— Мнѣ акробатомъ быть нельзя, — резонно возразилъ я. — Мнѣ рассказы нужно писать. А вотъ почему ты не акробатъ — я не знаю.

— Да я и не знаю, — простодушно подтвердилъ онъ. — Просто не приходило въ голову. Вѣдь, когда въ юности предназначаешь себя къ чемунибудь, то акробатическая карьера какъ-то не приходитъ въ голову.

— А вотъ имъ же — пришла въ голову?

— Да. Дѣйствительно это странно. Такъ иногда хочется пойти за кулисы къ акробату и разспросить его — какъ это ему вздумалось сдѣлать карьерой — ежевечернее влѣзаніе на голову своему ближнему.

Дождь барабанилъ по крышѣ веранды, официанты дремали у стѣнъ, мы тихо бесѣдовали, а въ это время на сценѣ уже появился "человѣкъ-лягушка". Былъ онъ въ зеленомъ костюмѣ съ желтымъ лягушечьимъ брюхомъ и даже съ картонной лягушечьейоловой. Прыгаль, какъ лягушка — и, вообще, ничѣмъ отъ обыкновенной лягушки, кромѣ размѣра, не отличался.

— Вотъ возьми — человѣкъ-лягушка. Сколько ихъ, такихъ "человѣковъ — чегонибудь" бродитъ по свѣту: человѣкъ-страусъ, человѣкъ-змѣя, человѣкъ-рыба, чело вѣкъ-каучукъ. Спрашивается: какъ всякій такой человѣкъ могъ добраться до рѣшенія — сдѣлаться человѣкомъ-лягушкой? Осѣнила ли его эта мысль сразу, когда онъ мирно сидѣлъ на берегу тинистаго пруда, наблюдая дѣйствія просто-лягушекъ... Или эта мысль постепенно, исподволь росла въ немъ и крѣпла.

— Я думаю — сразу. Осѣнило.

— А, можетъ быть, у него съ дѣтства было стремленіе къ лягушечьей жизни и только вліяніе родителей удерживало его отъ этого ложнаго шага. Ну, а потомъ... Эхъ, молодость, молодость! Потребуемъ еще одну, — хорошо?

— Молодость?

— Бутылку. А это кто, въ клѣтчатомъ пальто съ громадными пуговицами, въ ржемъ парикѣ? Ахъ, эксцентрикъ! Замѣть, у нихъ уже есть свои освященные временемъ приемы, традиции и правила. Напримѣръ — эксцентрикъ долженъ быть непремѣнно въ ржемъ парикѣ. Почему? Богъ его знает! Но это хороший клоунскій тонъ. Затѣмъ — появляясь на сценѣ, онъ никогда не сдѣлаетъ ни одного цѣлесообразнаго поступка. Всѣ его жесты и шаги должны быть явно бессмысленны, обратно-пропорціональны здравому смыслу. Чѣмъ бессмысленнѣе — тѣмъ большій успѣхъ. Погляди: ему нужно закурить папиросу... Онъ беретъ палочку, третъ ее о лысину — палочка загорается. Онъ закуриваетъ папиросу, а горящую палочку прячетъ въ карманъ. Теперь ему нужно погасить папиросу. Какъ онъ это дѣлаетъ? Беретъ сифонъ содовой воды и пускаетъ струю на тлѣющую папиросу. Кто въ дѣйствительной жизни зажигаетъ спички о голову и гаситъ папиросу съ помощью сифона? Онъ хочетъ разстегнуть пальто... Какъ онъ это дѣлаетъ? Какъ другіе люди? Нѣтъ! Онъ вынимаетъ изъ кармана громаднаыя ножницы и отстригаетъ ими пуговицы. Смѣшно? Ты смѣешься? А знаешь, почему люди смѣются, глазѣя на это? Психологія ихъ такова: о, Боже, какъ глупъ этотъ человѣкъ, какъ онъ неуклюжъ!.. А вотъ я не такой, я умнѣе. Я зажгу спичку о спичечную коробку и разстегну пальто обычнымъ способомъ. Тутъ просто звучитъ замаскированная молитва фарисея; благодарю тебя, Господи, что я не похожъ на него.

— Богъ знаетъ, что ты такое говоришь...

— Да ужъ вѣрно, братъ, вѣрно. Жаль, что надъ этимъ никто не задумывается... Ну, вотъ посмотри: его партнеръ хочетъ его брить... Взялъ ведро съ мыльной водой, привязалъ его салфеткой за горло къ стулу, а потомъ нахлобучилъ ему ведро съ мыломъ на голову и, бѣгать, торжествуя побѣду, по его животу кулаками и ногами. Смѣшно? Публика смѣется... А что если бы привести сюда старушку-мать этого ржаго съ ведромъ на головѣ; она, вѣроятно, и не знаетъ, чѣмъ занимается ея сынъ, ея дитя, котораго она укачивала на колѣняхъ, тихо цѣлуя розовыя пухлыя губки, глядя шелковистые волосики, прижимая младенческой теплой животикъ къ своей многолюбящей материнской груди... А теперь по этому животу какой-то зеленощекой парень молотитъ своими ножницами, а съ пухлыхъ губокъ, измазанныхъ краской, стекаетъ мыльная пѣна, а шелковистыхъ волосиковъ нѣтъ — вмѣсто нихъ ужасные красные волосища... Каково это матери? Заплачетъ она и скажетъ: Павликъ мой, Павликъ... На то ли я тебя растила, хорила. Дитя мое! Да что же это ты съ собою сотворилъ такое?!..

— Во первыхъ, — категорически заявить я, — ничто не помѣшаетъ этому ржему, если онъ, дѣйствительно, встрѣтитъ свою мать — заняться какой-нибудь другой болѣе полезной дѣятельностью, а во вторыхъ — ты, кажется, выпилъ вина больше, чѣмъ нужно.

Пріятель пожалъ плечами.

— Во первыхъ, этотъ парень уже ничѣмъ другимъ заняться не можетъ, а во вторыхъ, я выпилъ вина не больше, а меньше, чѣмъ нужно, — въ подтвержденіе чего могу тебѣ свяно и толково рассказать одну дѣйствительную исторію, которая подтвердить мое я во первыхъ.

— Пожалуй, — согласился я, — подавай свою исторію.

— Эта исторія, — сказалъ онъ торжественно, — подтверждаетъ, что человѣкъ, который привыкъ стоять на головѣ, не можетъ уже стоять на ногахъ, и человѣкъ,

который избралъ себѣ профессію лягушки — не можетъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ лягушки — ни директоромъ банка, ни мануфактурнымъ приказчикомъ, ни городскимъ дѣятелемъ по выборамъ... Лягушка — останется лягушкой. Ну, вотъ:

Исторія итальянскаго слуги Джустино.

Какъ тебѣ извѣстно, а, можетъ быть, какъ тебѣ не извѣстно, я исколесилъ всю Италію вдоль и поперекъ. Признаться тебѣ — я люблю ее, эту грязную, лживую надувательскую Италію. Какъ-то разъ, шатаясь по Флоренціи, попалъ я во Фьезоле — этакое мирное идиллическое мѣстечко, безъ трамваевъ, шума и грохота.

Я зашелъ во дворикъ маленькаго рестораника, присѣлъ къ столику и, заказавъ какую то курицу, закурилъ сигару.

Вечеръ теплый, ароматный, настроеніе у меня прекрасное... Хозяинъ терся-терся около меня, очевидно, собираясь что-то спросить и не рѣшаясь — однако, на конецъ, рѣшился и спросилъ:

— А что, прошу извиненія — не нуженъ ли синьору слуга?

— Слуга? Какой слуга?

— Обыкновенный, итальянскій. Синьоръ, видно, человѣкъ богатый, и ему, вѣроятно, нужно, чтобы кто нибудь ему служилъ. У меня есть для синьора слуга.

— Да на кой дьяволъ мнѣ слуга? — удивился я.

— Ну, какъ же. Развѣ можно жить безъ слуги? Всякій баринъ долженъ имѣть слугу.

Признаться, мнѣ это соображеніе никогда не приходило въ голову.

"— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, — подумалъ я. — Отчего бы мнѣ и не имѣть слуги? Въ Италіи я еще проброжу долго, а человѣкъ, которому можно незвалить на шею разныя мелкія хлопоты и дразги — очень бы меня облегчилъ"...

— Ладно, — говорю. — Покажите вашего слугу.

Привели... Парень здоровый, коренастый, съ ласковой улыбкой и предобродушнымъ выраженіемъ лица.

Потолковали мы пять минутъ, и въ тотъ же вечеръ я увезъ его во Флоренцію. Со слѣдующаго дня и началась моя трагедія.

— Джустино! — сказалъ я утромъ. — Почему ты не почистилъ мнѣ ботинокъ?

— О, синьоръ! Я не умѣю чистить ботинокъ, — заявилъ онъ съ искреннимъ огорченіемъ.

— Какой же ты слуга, если не умѣешь дѣлать такого пустяка! Сегодня же возьми урокъ у чистильщика сапогъ. А сейчасъ свари мнѣ кофе.

— Синьоръ! Осмѣлюсь заявить, что я не знаю, какъ варить кофе.

— Смѣешься ты надо мной, что ли?

— О, нѣтъ, синьоръ... не смѣюсь... — печально пробормоталъ онъ.

— Ну, а телеграмму сдать на почту ты сумѣешь? Запаковать чемоданъ, пришить къ пальто пуговицу, побрить меня, приготовить ванну — сумѣешь?

И снова прозвучало грустное:

— Нѣтъ, синьоръ, не сумѣю.

Я скрестилъ на груди руки.

— А что же ты умѣешь, скажи на милость.

— Будьте ко мнѣ, синьоръ, снисходительны... Я почти ничего не умѣю.

Во взорѣ его свѣтилась тоска и искреннее страданіе.

— Почти?! Ты говоришь «почти»... Значить, что нибудь ты умѣешь дѣлать?

— О, синьоръ! Да умѣю — но это къ сожалѣнію вамъ не нужно.

— Да что же это такое?

— О, не спрашивайте меня... Мнѣ даже неловко сказать...

— Почему? А вдруг это мнѣ понадобится...

— Нѣтъ, нѣтъ. Клянусь святымъ Антоніемъ — вамъ это никогда не понадобится...

— Чортъ знаетъ что! — подумалъ я, опасливо на него поглядѣвъ, — можетъ быть онъ до этого былъ разбойникомъ и рѣзалъ въ горахъ проѣзжій народъ. Тогда, дѣйствительно, онъ правъ, — это мнѣ никогда не понадобится...

Однако, милое простодушное лицо Джустино самымъ нагляднымъ образомъ опровергало это предположеніе.

Я махнулъ рукой — самъ заварилъ кофе, сдалъ на почту корреспонденцію и вечеромъ приготовилъ себѣ ванну.

На другой день я поѣхалъ во Фьезоле и зашелъ въ тотъ самый рестораникъ, хозяинъ котораго такимъ подлымъ образомъ подсунилъ мнѣ "слугу".

Я усѣлся за столъ — и снова появился кланяющійся, извивающійся хозяинъ.

— Эй, вы, — поманилъ я его пальцемъ. — Что это за чортова слугу вы мнѣ подсунили, а?

Онъ приложилъ руки къ сердцу.

— О, синьоръ! Онъ прекрасный человекъ, — добрый, честный и непьющій...

— Да что мнѣ въ его честности, когда онъ палець-о-палець ударить не можетъ. Именно — не можетъ... Не "не хочетъ", а "не можетъ". Вы говорили — я господинъ, и мнѣ нужно слугу; а подсунили мнѣ господина, у котораго я играю роль слуги, потому что нѣтъ такой вещи, которую бы онъ могъ сдѣлать.

— Простите, синьоръ... Онъ можетъ кое-что сдѣлать и очень хорошо даже... Но это вамъ совсѣмъ не нужно.

— Что же это такое?

— Да ужъ я не знаю — говорить ли? Не хочется хорошаго парня конфузить.

Я ударилъ кулакомъ по столу.

— Да что вы всѣ, чортъ побори — сговорились, что ли!! Онъ умалчиваетъ о своей бывшей профессіи, вы тоже скрываете... Можетъ быть, онъ желѣзнодорожный воръ или морской пиратъ!!

— Сохрани Боже! Онъ служилъ по церковному дѣлу и ничѣмъ дурнымъ не занимался.

Крикомъ и угрозами мнѣ удалось вытянуть у хозяина всю исторію.

Удивительная исторія, глупѣйшая исторія,

Надо тебѣ сказать, что вся Италія отъ большихъ городовъ, какъ Римъ, Венеція, Неаполь — до самыхъ маленькихъ — живетъ исключительно туристами. Туристы, это та "обрабатывающая" промышленность, которой кормится вся Италія. Все направлено къ уловленію туриста. Ихъ серенады въ Венеціи, развалины въ Римѣ, грязь и шумъ Неаполя — все это во славу форестьера во имя его кошелька.

Каждый городъ, каждый кварталъ въ городѣ имѣетъ свою достопримѣчательность, которая за двѣ лиры, за лиру, за мещана-лиру — показывается всякому шалому любопытствующему путешественнику.

Въ Веронѣ показываютъ могилу Джульеты, въ со борѣ св. Марка мѣсто, гдѣ на колѣняхъ стоялъ Фридрихъ Барбароса или еще кто-то... Исторія, живопись, скульптура, архитектура — все идетъ въ ходъ.

Есть въ сѣверной Италіи городишка — такой маленько такой скверный, что

его даже и на картах стыдятся указывать. Даже не городишка, а нечто вроде деревни.

И вот деревушка эта стала чахнуть. Отъ чего можетъ чахнуть итальянская деревушка? Отъ безтуристья.

Есть туристь — сыты всё; нѣтъ туриста — ложись и помирай.

И все населеніе деревушки со скорбью и тоской видѣло, какъ каждый день мимо нихъ проносились поѣзда, биткомъ набитые туристскимъ мясомъ; останавливались на минуту и, не выкинувъ ни одного англичанина или нѣмца — мчались дальше.

А на слѣдующей станціи половина туристовъ выползала съ поѣзда и шла осматривать городокъ, который сумѣлъ обзавестись собственной достопримѣчательностью: церковью, въ которой былъ кто-то убитъ или замурованъ, или къ стѣнѣ прикованъ; показывали и кинжалъ убійцы, и замурованное мѣсто, и цѣпи — что кому больше нравилось. А можетъ, никого тамъ никого и не убивали — итальянцы большіе мастера соврать, въ особенности, съ корыстной цѣлью.

И вотъ однажды разнеслась по всей округѣ чудесная вѣсть: что въ той деревушкѣ, о которой я говорилъ раньше, послѣ перестройки церковнаго купола, появилось эхо, которое повторяетъ звукъ не разъ, и не два раза, какъ это иногда случается, а восемь разъ.

Конечно, праздный, бездѣльный туристъ валомъ повалилъ на эту диковину...

Дѣйствительно, слухъ оправдался; эхо честно аккуратно повторяло каждое слово восемь разъ.

И вотъ "эхо деревни Феличе" совершенно забило "замурованнаго принца городка Санта-Клара".

Двѣнадцать лѣтъ это продолжалось: двѣнадцать лѣтъ лиры и мѣцца-лиры лились въ карманъ гражданъ деревни Феличе... И вотъ — на тринадцатый годъ (несчастливый годъ!) разразился страшный скандалъ: компанія богатѣйшихъ американцевъ съ цѣлой гирляндой разодѣтыхъ дамъ пріѣхала посмотреть "эхо деревни Феличе". И когда эта пышная компанія вошла въ скромную церковку — эхо было, очевидно, такъ поражено блескомъ и роскошью компаніи, что въ отвѣтъ на крикъ одной дамы "Гудбай!" повторило это слово пятнадцать разъ...

Самый главный американецъ сначала изумился, потомъ возмутился, потомъ, расхохотался, а затѣмъ вся компанія, не слушая протестовъ церковной администраціи, бросилась отыскивать эхо... Обнаружили его въ замаскированномъ ширмой уголкѣ на хорахъ и когда вытащили «эхо», оно оказалось широкоплечимъ добродушнымъ парнемъ — короче говоря — моимъ слугой Джустино.

Двѣ недѣли вся Италія, прочтя о случаѣ съ "эхо Феличе", держалась за животики; потомъ, конечно, объ этомъ забыли, какъ забывается все на свѣтѣ.

Деревушка Феличе впала въ прежнее ничтожество, а Джустино — эхо Феличе — за свою неумѣстную щедрость лишился мѣста, на которое поступилъ еще мальчишкой — и, какъ человѣкъ, кромѣ эха ничего не умѣвшій — очутился на мостовой.

Всякому человѣку хочется ѣсть... Поэтому Джустино сталъ искать себѣ мѣсто! Онъ приходилъ въ какую-нибудь деревенскую церковь и предлагалъ:

— Возьмите меня на службу...

— А ты что можешь дѣлать?

— Я могу быть эхо. Очень хорошая работа... Отъ 8 до 15 разъ.

— Эхо? Не требуется. Мы кормимся плитой, на которой раскаялся однажды Борджия; человекъ на ней пролежалъ ночь, а нашимъ предкамъ, намъ и потомкамъ нашимъ — на всю жизнь хватить.

Усталый, брель онъ дальше.

— Эхо хорошее, церковное! Не нужно-ли? Отчетливое исполненіе, чистая работа.

— Нѣтъ, не надо.

— Да почему? Туристъ эхо любить. Взяли бы меня, а?

— Нѣтъ, неудобно... То полтора ста лѣтъ не было эха въ церкви, а то вдругъ — на тебѣ — сразу появилось.

— А вы куполь перестройте.

— Будемъ мы изъ-за тебя куполь перестраивать... Иди себѣ съ Богомъ.

Онъ бы умеръ съ голода, если бы я его не взялъ себѣ въ слуги.

* * *

Я долго молчалъ, размышляя о судьбѣ несчастнаго Джустино; потомъ спросилъ:

— Что же съ нимъ случилось?

— Промучился я съ нимъ годъ. Все не хватало духу выгнать. И когда я, взбѣшенный его манерой варить кофе, въ которомъ было на треть бензину, кричалъ: "сегодня же забирай свои вещи и проваливай, бездарный негодяй!" — онъ прятался въ сосѣднюю комнату и оттуда я слышалъ очень искусное эхо моихъ словъ: "бездарный негодяй... дарный негодяй... и-й негодяй... негодяй... даяй... яяя..."

Это все, что умѣлъ дѣлать несчастный искалѣченный своей ненормальной судьбой парень.

— Гдѣ же онъ теперь?

— Выгнать. Что съ нимъ, не знаю. Впрочемъ, недавно мнѣ въ Пизѣ говорили, что въ одной близлежащей деревушкѣ есть церковь, въ которой замѣчательное эхо, — повторяемое восемь разъ. Весьма возможно, что мой горемыка-слуга снова попалъ на свои настоящія рельсы...

ПИРАМИДА ХЕОПСА

Начало всей этой исторіи почему-то твердо вѣзалось мнѣ въ память. Можетъ быть, именно, потому я имѣю возможность, ухватившись за этотъ хвостикъ, размотать весь клубокъ, до самаго конца.

Пріятно, очень пріятно слѣдить со стороны за человекомъ, который въ простотѣ душевной увѣренъ, что всѣ звенья цѣпи его поступковъ скрыты отъ чужого взгляда и, потому онъ, — вышеупомянутой человекъ — простодушно и безстыдно распускается пышнымъ махровымъ цвѣткомъ.

Авторъ — большой любитель такихъ чудесныхъ махровыхъ цвѣтковъ.

Итакъ, хватаю эту исторію за самый хвостъ:

Четыре года тому назадъ мнѣ пришлось прожить цѣлую недѣлю въ квартирѣ Новаковича — того самаго, который однажды зимой увѣрилъ всѣхъ, что можетъ проплыть въ водѣ шесть верстъ, а потомъ, когда я, поймавъ его лѣтомъ въ Севастополѣ, заставилъ продѣлать это — Новаковичъ отказался подь тѣмъ предлогомъ, что какой-то купальщикъ плюнулъ передъ тѣмъ въ воду.

Несмотря на такія странныя черты своего характера, Новаковичъ былъ въ сущности хорошимъ человѣкомъ, веселымъ, жизнерадостнымъ — и я не безъ удовольствія прожилъ у него эту недѣлю.

Какъ-то послѣ обѣда, уходя изъ дому, мы измыслили забавную мистификацію: напялили на мольбертъ пиджакъ и брюки Новаковича, набили это сооруженіе тряпками, увѣнчали маской, изображавшей страшную святочную харю и, крадучись, ушли, оставивъ дверь полуоткрытой.

По уходѣ нашемъ было такъ:

Первой вошла въ комнату сестра Новаковича; увидѣвъ страшное существо, стоявшее передъ ней на растопыренныхъ ногахъ, нахально откинувшись назадъ — она съ пронзительнымъ крикомъ отпрянула, шарахнулась вмѣсто двери въ шкафъ, набила себѣ на вискъ шишку и уже послѣ этого кое-какъ выбралась изъ комнаты.

Второй сейчасъ же вбѣжала горничная съ графиномъ воды, который она несла куда-то. Отъ ужаса она уронила графинъ на полъ и подняла крикъ.

Третьимъ пришелъ швейцаръ, приглашенный перепуганными женщинами. Это былъ человѣкъ, котораго природа надѣлила желѣзными нервами. Подойдя къ молчаливому, жутко неподвижному незнакомцу, онъ сказалъ: "Ахъ ты, сволочь паршивая", размахнулся и ударилъ по страшной харѣ. Послѣ этого, полетѣвшій на полъ и буквально потерявшій голову незнакомецъ былъ освѣжеванъ, выпотрошенъ и водворенъ по частямъ на старое мѣсто: скелетъ поставили въ уголь, мясо и кожу повѣсили въ платяной шкафъ, ноги задвинули подъ кровать, а голову просто выбросили...

Четвертымъ и пятымъ пришли мы съ Новаковичемъ. Въ зависимости отъ темперамента и общественаго положенія мы были названы: "веселыми баринами", выдумщиками, вѣчно придумывающими что-нибудь этакое..." и, наконецъ, "идіотами".

Графинъ мы компенсировали веселымъ ужиномъ, въ которомъ участвовали нѣсколько графиновъ — и тѣмъ вся исторія окончилась. Впрочемъ, что я такое говорю — окончилась... Она только началась.

* * *

Прошло три недѣли.

Сидя въ уголкѣ гостиной на одномъ шумномъ вечерѣ я услышалъ и увидѣлъ слѣдующее. Новаковичъ подошелъ къ одной группѣ острившихъ и рассказывавшихъ анекдоты мужчинъ — и сказалъ:

— Ну, что этотъ вашъ анекдотъ о купцѣ! Старина матушка. Его еще Ной Каину и Авелю въ Мессопотаміи рассказывалъ. А вотъ я вамъ расскажу фактъ, случившійся со мной...

— Ну, ну?

— Однажды вечеромъ, недѣли три тому назадъ я устроилъ у себя въ комнатѣ чучело человѣка, изъ мольберта, ботинокъ, костюма и святочной маски... Устроилъ, значить, и ушелъ... Ну-съ — заходить зачѣмъ-то моя сестра въ эту комнату... Видитъ эту штуку ну... и вы сами понимаете! Бросается вмѣсто дверей въ шкафъ — трахъ головой! Кровь ручьемъ! Падаетъ въ обморокъ. На шумъ вбѣгаетъ горничная, а у нея въ рукахъ, можете представить, дорогой фарфоровый кувшинъ. Увидѣла лежащую хозяйку, увидѣла кровь, увидѣла этакаго

неподвижного страшного дядю, бросила дорогой фарфоровый кувшинъ на полъ, — да вонъ изъ комнаты. Выбѣжала на переднюю лѣстницу, а по лѣстницѣ какъ разъ швейцаръ поднимается съ телеграммой въ рукахъ. Бросается она на швейцара, сбиваетъ его съ ногъ, и катятся они внизъ по лѣстницѣ!! Ну, кое-какъ съ оханьями и проклятіями встаютъ, поднимаются, объясняются, швейцаръ беретъ револьверъ, идетъ въ комнату, пріотворилъ дверь, кричить: "Сдавайся!" — "Не сдамся!" — "Сдавайся!" — "Не сдамся!.."

— Виновать, — перебилъ Новаковича одинъ изъ слушателей, очень изумленный. — Кто же это могъ отвѣчать ему: "не сдамся"!? Вѣдь человѣкъ-то вашъ былъ сдѣланъ изъ мольберта и тряпокъ?..

— Ахъ, да... Вы спрашиваете, кто отвѣчалъ: "не сдамся!?" Гм... да. Это, видите-ли, очень просто: это сестра моя отвѣчала. Она, какъ разъ, очнулась отъ обморока, слышитъ, что кто-то кричитъ изъ другой комнаты "сдавайся!" да и подумала, что это товарищъ разбойника. Ну, и отвѣтила: "не сдамся!" Она у меня храбрая сестренка; вся въ меня.

— Да... Бываетъ. Что же дальше?

— Что? Швейцаръ изъ револьвера прямо въ грудь нашему чучелу: бахъ! Тотъ на полъ — бацъ. Бросились, а тамъ одни тряпки. Сестра со мной потомъ два мѣсяца не разговаривала.

— Почему два мѣсяца? Вы же говорите, что это произошло всего три недѣли тому назадъ.

— Ну, да! Что жъ такое... Уже три недѣли не разговариваетъ, да я думаю, еще недѣли пять не будетъ разговаривать — вотъ вамъ и два мѣсяца.

— Ахъ, такъ... Да... Бываетъ. Странная, странная исторія.

— Я же вамъ говорю! А вы имъ тамъ какой-то анекдотъ о купцѣ рассказываете!..

* * *

Прошелъ годъ...

Однажды большая компанія собралась ѣхать на Иматру.

Были и мы съ Новаковичемъ.

Когда ѣхали въ вагонѣ, то разсѣлись такъ, что я сидѣлъ черезъ двѣ скамейки — отъ Новаковича.

Видѣть я его не видѣлъ, но голосъ слышала,

Новаковичъ говорилъ:

— Я нахожу вашу исторію съ привидѣніемъ конокрада — банальной. — Вотъ со мной однажды случилась исторія — такъ исторія!

— Именно?

— Взялъ я однажды какъ-то, въ прошломъ году, да и соорудилъ у себя въ комнатѣ чучело разбойника — изъ мольберта, пиджака, брюкъ и ботинокъ. Привязалъ къ рукѣ ножъ... большой такой острый... и самъ ушелъ. Заходить зачѣмъ-то въ комнату сестра — видитъ эту ужасную фигуру... Бросается вмѣсто дверей, въ бѣльевой шкафъ — трахъ! Дверка вдребезги, сестра вдребезги... Бросается она къ окну... Трахъ! Распахнула она его, да съ подоконника — прыгъ! А окно-то въ четвертомъ этажѣ... Послѣ этого вбѣгаетъ горничная, а въ рукахъ у нея на подносѣ дорогой фарфоровый сервизъ еще екатерининскихъ временъ... Отъ дѣда остался. Ему теперь и цѣны нѣтъ. Сервизъ, конечно, вдребезги, горнич-